

ИРИНА МУРАВЬЕВА

ЗИМА РАЗЛУКИ
НАШЕЙ

Современные рассказы о любви

Ирина Муравьева

Зима разлуки нашей

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Муравьева И. Л.

Зима разлуки нашей / И. Л. Муравьева — «Эксмо»,
2015 — (Современные рассказы о любви)

ISBN 978-5-699-90273-6

«В семь часов в Линнской синагоге начался вечер русского романса. За окном – набережная, синий кусок океана. Чайки на гладком песке, запах гниющих водорослей. Мальчик с густой гривой выводит ломающимся басом: “Спи, мой зайчик, спи, мой чиж, мать уехала в Париж...” Подожди, голубчик. Когда уехала?...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90273-6

© Муравьева И. Л., 2015
© Эксмо, 2015

Ирина Муравьева

Зима разлуки нашей

В семь часов в Линнской синагоге начался вечер русского романса. За окном – набережная, синий кусок океана. Чайки на гладком песке, запах гниющих водорослей. Мальчик с густой гривой выводит ломающимся басом: «Спи, мой зайчик, спи, мой чиж, мать уехала в Париж...» Подожди, голубчик. Когда уехала?

* * *

Вчера они сидели в его пропахшем табаком кожаном кабинете, за окном которого бушевал, ломая сиреневые ветки, июньский дождь.

...Они сидели в пропахшем табаком кожаном кабинете, и дрожащее полное лицо его было блее бумаги на столе.

– Я прошу одного, – громко сказал он, – чтобы была сохранена видимость наших семейных отношений...

– Отпусти меня, – прошептала она, – отпусти меня на месяц. Николка...

– Николка! – закричал он. – Николка! Николка будет здесь с Зиной и Олей! Как только Бог смотрит на тебя оттуда?!

В Париже было тепло и солнечно. Покрывало на кровати пахло лавандовым мылом. Первый раз в жизни она проснулась рядом с человеком, который вот уже несколько месяцев был для нее всем на свете.

* * *

– Вот ты посмотри, Аня. Это она перед самым выпуском. Ух, коса-то какая! Красавица.

– Где она умерла?

– Как где? В Москве, у Коли на руках. Перед самой войной она уехала с этим. Не сбежала, нет. Коля сам сказал: «Уезжай. Уезжай, куда хочешь, и думай. Потом возвращайся, потому что у тебя ребенок, а ребенку нужна мать».

– С ума сошел! Кто же так поступает?

– Теперь – никто, а раньше поступали. Он был великий человек, Аня. Коля – был великий человек. Двое было великих: мой Костя и Лидин Коля. Ну про моего ты знаешь...

* * *

Она все еще была в Париже, хотя ее давно ждали в двух городах: Москве и Тамбове. В Тамбове тем временем выпал снег, и по сухому первому снегу к угловому дому на Большой Дворянской подкатил краснощекий извозчик.

– Лиза! Беги смотреть! Асеев приехал! Адвокат Асеев! Тот, с которым мы летом у Головкиных в карты играли! Он у нас практику открыл! Лиза!

Подошла к окошку, вскинула плечи. В косе – черный бант. Коса – тонкая, так себе. Вот у Лиды – волосы! Господи, Лида-то в Париже. Вчера мама с папой опять о ней говорили, мама все время плачет. Папа ездил в Москву, к Николаю Васильевичу и маленькому Николке. Привез фотографию – Николка на белом пони. Глазки грустные. Сумасшедшая Лида.

Так это и есть Асеев? Расплачивается с извозчиком. Без шапки, голова от снега – как припудренная. Подхватил свой сак – и прыг на крыльцо! Что это он так распрыгался?

Назавтра в гимназии была рассеянна. Толстая Надя Субботина протянула ей бархатный альбомчик. Выпускной класс, стишки на память. Субботина летом замуж выходит. За кузена. В Синоде разрешение выпрашивали. Дура Надька. Няня говорит: «Выйдет и будет рожать, как кошка».

Нет, мы с Мусей и Лялей, как только закончим, сразу – в Москву. На французские курсы. Там Шаляпин, Северянин. Во МХАТе – «Три сестры». Лида в письмах мне все рассказывает. Никому и в голову не придет, что я из Тамбова. В Асееве, кстати, ничего особенного. Муся говорит, что кутила ужасный. К цыганкам ездит. Папа признался, что тоже ездил, когда молодым был. Ужас. Муся клялась, что у Асеева цыганка в любовницах. Ну и ну. «Живой труп», графа Толстого сочинение.

Открыла альбомчик. Вдоль и поперек исписан. Вот, пожалуйста.

Лишь сойдет к нам на землю вечерочек,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок.
Приходи, ненаглядный дружок,
Приходи посидеть на часок.

Перевернула страницу, чтобы не мараться о глупости, и написала крупно:

Душа моя во всем гнезду сродни,
В ней бьются птицы и поют они.
А улетит последняя и – вот:
Она, как дом с открытыми дверьми,
В которые осенний небосвод
Шлет первый снег, и рвется лист с земли.

Ах как прекрасно. Прекрасные стихи. Алеша написал и преподнес летом. Гостил в июле на даче. Сашин друг. Вечером преподнес, когда мама заставила гаммы играть. Вошел в гостиную, волосы на пробор, блестят. Муся уверяет, он их чем-то мажет, чтобы блестели. Может быть, и нет. Просто такие волосы.

Откашлялся:

– Я не прошу вашей руки, Лизавета Антоновна, потому что вы слишком молоды. Но разрешите мне надеяться. Я буду ждать.

Взял ее за локоть и вдруг поцеловал в щеку. У нее в глазах потемнело. Маме, конечно, все рассказала. Мама сначала засмеялась, потом заплакала. Но плачет она всегда об одном: Лида.

Асеев вышел из своего дома как раз тогда, когда она к своему – подошла. Улица была пуста. Редкий сухой снежок. Он взглянул на нее рассеяннo. Улыбнулся и поклонился, надевая перчатки. Кому улыбнулся-то? Мне или двери? Постояла, сбросив ранец на землю, посмотрела вслед. Глупо. Взрослая барышня, скоро курсистка. Он припустился по улице быстро, почти бегом. Извозчика не взял. Снег налетел на его спину.

* * *

Лида вернулась в Москву в июле, перед самой войной. По темно-зеленой с большими золотыми буквами вывеске: «Доктор Н. В. Филицын. Нервные болезни» – бежали мутные дождевые потоки. Николай Васильевич открыл дверь, провожая сгорбившегося пациента.

Посторонился, пропуская ее в глубину прихожей. Она отразилась в зеркале – бледная как смерть, в затейливой парижской шляпке.

– Вернулась? – сказал он, и ей послышалась ненависть.

– Где Николка? – хрипло спросила она.

Он молчал и исподлобья, красными, бегающими глазами осматривал ее похудевшее лицо, серое дорожное платье на пуговицах, зонтик, блестящий от дождя.

– Николка где? – повторила она, замирая.

– Не беспокойся, – ответил он высоким звонким голосом. – Его забрала Оля. Завтра привезет. Должны же мы с тобой объясниться.

– Коля, – сказала она и опустила на стул, – я не могу говорить...

– Вот и прекрасно, – он усмехнулся дрожащими губами, – вот и хорошо, потому что и я не могу говорить. Да и незачем. Я предлагаю тебе жить здесь, дома, потому что все остальное – гадость и чушь. Ты не первая женщина, у которой завелся, – он с отвращением сморщил все лицо, – завелся адюльтер, и не последняя. Но ты – мать нашего ребенка. А наш ребенок, представляется мне, важнее адюльтеров. Так что я свой выбор сделал. Места в доме достаточно. Николка ничего не заметит. А когда ты решишь покинуть нас, – он быстро, вопросительно посмотрел на нее, она вздрогнула всем телом, – если ты решишь покинуть нас, мы вместе подумаем, какие принять меры.

– Как странно, Коля. – Она опустила голову, мокрая темно-золотая прядь упала на лоб из-под шляпки. – Как ты легко говоришь об этом...

– Легко? – переспросил он. – Ну, дорогая моя! Сколько раз я представлял себе, как задущу тебя, едва ты переступишь порог!

Она вскочила, словно ее ударило током.

– Сиди! – вскрикнул он и обеими руками нажал на ее плечи. – Сиди, ничего я тебе не сделаю! Нашла Алеко! Он для меня – все, – и кивнул головой в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. – Николка для меня – все! Не позволю я, чтобы глупая баба сломала ему жизнь, слышишь ты! Не позволю!

Он стоял над нею, дрожа всем телом, – огромный, седой, взъерошенный, – и вдруг она вспомнила, как он когда-то, так же дрожа всем телом, просил ее руки.

– Лучше я уеду, – прошептала она, – мы не сможем, мы не выдержим...

Он вдруг отошел к двери, прижался к ней спиной, засунул руки в карманы.

– Полно тебе, Лида, – произнес он почти спокойно, – иди к себе, отдохни. Ты неважно выглядишь. Завтра Оля привезет Николку.

* * *

...Низкое красное солнце ломким веером накрыло Большую Дворянскую. К дому напротив подкатила пролетка. Из нее козочкой выпрыгнула соседская девочка, которая вот уже три месяца за ним подсматривает. Следом, придерживая подол платья, сошла молодая женщина в синей шляпе и сине-сером полосатом платье. За женщиной – худенький мальчик в русских локонах. Все они на секунду остановились перед дверью, и девочка нетерпеливо дернула звонок. Женщина в полосатом платье схватилась за сердце. Дверь отворилась, мелькнули два лица – Александры Ильиничны и Антона Сергеевича, соседей, – и дверь торопливо захлопнулась. Он догадался, что приехала старшая дочь Лида, недавно, как говорили, вернувшаяся из Парижа. Движение ее руки, схватившейся за сердце, поразило его.

«Кто знает, – вяло подумал он, – может быть, что-то еще осталось в этой жизни... Боль, привязанность... Наверное, осталось».

Он открыл буфет и налил себе стакан вина. Сопьюсь в этой дыре от скуки. Нет, не сопьюсь. Что делать вечером? Поехать к Тане? Его обожгло и тут же передернуло. Таня... Страсть, да. Тяжелая страсть к женскому телу, в которое погружаешься, все забыв. Потом наступает отрезвление. Она любит деньги, Танюша. Деньги и подарки. С ума сходит от побрякушек, которые он ей дарит. Довольно гадко. Но шея, спина, лопатки с шелковистыми родин-

ками, вишневые соски, твердеющие под его ладонью... Ладно. Поживем – увидим. Сказать сестрам: женюсь-ка я, милые, на цыганке?

Он представил себе выражение лица старшей, Варвары, недавно похоронившей мужа и оставшейся с четырьмя детьми. Нельзя делать такие вещи. Детей надо поднимать, все на нем. У Вари нет денег. Он опять посмотрел на соседский дом. Там уже зажгли лампу, двигались тени. Плачут, наверное, ахают, расспрашивают. Как она схватилась за сердце, эта, в полосатом платье...

Горничная повесила платье в шкаф, расстелила постель. На столе стояли розы, только что срезанные. Конечно, к ее приезду. Как хорошо дома. Господи. И какой ад там, в Москве. Николай Васильевич ведет себя с ней вежливо и сухо, как с посторонней.

* * *

– Лида вам все рассказывала, тетя Лиза, делилась?

– Что могла, то рассказывала. У нас разница была все же довольно большая: девять лет. Я ей казалась ребенком. По-настоящему мы с ней в первый раз поговорили тогда, после Парижа, когда она приехала в Тамбов. Убежала из Москвы от Николая Васильевича на две недели. А ты знаешь? Мне вот что все время приходит в голову: поделом нам всем! Молодцы большевики! Ей-богу, уважаю!

– Что это вы вдруг, тетя Лиза?

– А то, – и она засмеялась нервным старым ртом. – А то. Какая была жизнь! Страсти, любовь! Слезы, букеты. А они пришли и говорят: «Идите вы с вашими страстями к такой-то матери! И букеты с собой прихватите!» Мы и пошли. Буржуи недобитые.

* * *

– Лида!

Не отвечает. Сейчас разрыдается. Любят они рыдать: что Лида, что мама.

– Лидуша! Ну что ты как неживая? Поговори со мной!

– О чем с тобой поговорить, дурочка?

– Ну, обо всем. – Быстро намотала на руку легкую прядь, смутилась. – Как ты жила там, в Париже, с этим?

– С этим? – повторила Лида. – Что ты говоришь, Лизка! Он мне дороже всего.

– Почему?

– Как почему? Люблю его, вот почему!

– А Николая Васильевича?

Лида отрицательно покачала головой.

– Как? – ахнула, прижала ладонь ко рту. – Как же ты венчалась?

– «Да как же ты венчалась, няня?» – слабо улыбнулась Лида. – Так и венчалась. Так, видно, Бог велел.

– Мой Коля, – засмеявшись сквозь готовые слезы, подхватила Лиза, – «он старше был меня, мой свет, а было мне...». Сколько тебе было?

– Восемнадцать, – сказала Лида, – и я ничего, ничего не понимала. Как ты сейчас.

– Я? – С возмущением: – Ну уж нет! Я давным-давно все знаю. Только скажи мне: почему так бывает, что этого человека любишь, а того нет? Ведь все одинаковое – руки, ноги, глаза. А...

– Никто этого не знает, – перебила ее Лида, – никто тебе на этот вопрос ничего не скажет! Я, когда только встретила его, ну, его, понимаешь? – И покраснела до слез, посмотрела

умоляющими глазами. – Как только встретила, сразу поняла, что у меня никакой своей воли не осталось. Что он захочет, то я и сделаю.

– Господи помилуй! Да ведь ты же замужем, и потом Николка...

– И Николка, и замужем, и мама... А как он до меня дотронулся в самый первый раз, так я почувствовала...

– Что ты почувствовала? Как он до тебя дотронулся?

Лида закрыла руками пылающее лицо.

– Хватит, Лизетка, я и так тебе много наговорила. Давай спать. Ни одну ночь я не спала толком. Знаешь, с какого времени? С двадцать восьмого января!

Она хотела спросить, что это за день такой, но прикусила язык. Красавица она все-таки, Лидочка наша, красавица. В Тамбове таких днем с огнем не сыщешь, да и в Москве, наверное, не очень...

Поцеловались. Шмыгнула к себе, потушила свет, натянула одеяло на голову. «А как он до меня дотронулся...» Как же он дотронулся все-таки?

* * *

Первая осень войны была дождливой, холодной. В обиходе появились забытые слова: медикаменты, транспорт, мобилизация, десертир, наступление. Госпитали уже были переполнены. Вдоль железных дорог, увозивших на смерть крепких кривоногих мужиков, запахло содранными с бабьих голов пропотевшими платками, слезами. Поговаривали, что французские курсы не сегодня завтра закроют, хотя внешне Москва все еще жила своей прежней, бестолково-пестрой жизнью. Саша, брат (на год старше Лиды и на десять лет – Лизы!), был по состоянию здоровья освобожден от армии и ехал в Тамбов к родителям. По дороге из Петербурга он завернул в Москву повидаться с сестрами. С ним приехал Алеша, поступивший в Тверское артиллерийское училище.

Поезд пришел с опозданием, и она успела продрогнуть в тоненьких башмачках, надетых совсем не по погоде, из одного кокетства. Они спрыгнули с подножки и, махая фуражками, бросились к ней. Саша еще больше побледнел и похудел. У Алеши лицо сияло так, что хотелось зажмуриться. Сморщившись от паровозного дыма, она подхватила край клетчатой юбки тем же самым движением, которым это делала Лида, и поплыла к ним навстречу.

– Лизка! – Саша притиснул ее к себе и закашлялся. – Большая какая! Charmant!

Она отступила на шаг, растопырила юбку, покружилась:

– Выросла?

– Да что выросла! Расцвела! Ты погляди, Алексис!

Алеша улыбнулся смущенно:

– А я и так гляжу, не могу оторваться.

Она протянула ему худую замерзшую руку.

– Как я рада, Алеша, что вы тоже приехали. Я ж боялась, мы больше не встретимся.

* * *

– В каком году Лида умерла?

– Лида? Да я же тебе сказала: в марте восемнадцатого! У Коли на руках, в Москве.

– Тетя Лиза, подождите, я запуталась в датах: вы что, потом уехали из Москвы в Тамбов?

– Я уехала в шестнадцатом. Дома все болели, мама просила меня приехать. Я поехала ненадолго, а задержалась на целый год. Я была в Тамбове, когда нас выгнали из дому и... Ну, когда все это произошло. Сашу забрали, папу разбил паралич. А потом до мамы докатилось,

что Лида больна, и она послала меня в Москву, чтобы я была там с Лидой, не отходила от нее ни на шаг. Я вернулась в Москву. В конце января.

– Так вы же не рассказываете! Скачете, как белка, с одного на другое!

– Господь с тобой, Аня, ты слушать не умеешь!

* * *

Николай Васильевич Филицын три вечера в неделю дежурил в госпитале по случаю наплыва раненых. Под утро он пешком возвращался домой на Арбат. Лида, вероятно, спала. Он тихо шел в детскую, наклонялся над ровно и глубоко дышащим Николкой, крестил его и поправлял сбившееся одеяло. Потом выпрямлялся и долго стоял над кроваткой, глядя на спящего усталыми красными глазами. Постепенно лицо его принимало другое выражение: привычной и нежной тревоги, которое чаще встречается у старых нянек и бабушек, чем у отцов. С этим выражением на лице Николай Васильевич шел к себе в кабинет и укладывался спать на большом кожаном диване, где ему с вечера готовили постель.

Пару недель назад он заметил, что по утрам у Лиды отекают ноги, а вечером на лице появляется нехороший лихорадочный румянец.

– Мне что? – бормотал Николай Васильевич, ворочаясь и жестикулируя в темноте. – Я ей – кто? Муж? Нет уж, дудки! Какой я муж?

Он рывком садился на диване и обеими руками обхватывал седую голову.

– Развратная женщина, низкая, – говорил он шепотом, – терплю, потому что сын.

И тут же чувствовал, что нечем дышать.

– Лжешь! – Он скрипел зубами. – Лжешь, подлец! Не потому терпишь, что сына жалко! Себя, себя жалко! Ведь вернулась. Где этот, ее? В городе его нет, справлялся! В Самару, говорят, укатил! Пишет он ей? Ведь я его убить должен! Вызвать и убить. А я терплю. Почему терплю? Современный я очень, новейших прогрессивных взглядов! Покаталась и вернулась. А как жить мне с ней после этого? Разводиться надо! А куда она пойдет, разведенная? А для Николки какой позор! Мать – разведенка!

Ужас в том, что она во всем призналась. Правдивость ее была немыслимой и ненужной. Николай Васильевич в глубине души знал, что, если бы не эта ее правдивость, он предпочел бы ничего не заметить. Закрылся бы обеими руками от страшного. Ольга, сестра, говорит: «Ты ее никогда не разлюбишь, не стоит и стараться». – «Верно. Стараться не стоит. Не разлюблю. Но как жить-то с ней в одном доме? Ведь я с ума схожу, а она меня терпит. Я ей противен». Он с отвращением посмотрел на свою голую ногу, вынутую из-под одеяла. «Зачем она вышла за меня, красавица? Кошачья порода». Чуть не разрыдался, представив ее в постели с тем, с другим. «И ведь совсем недавно! Двух месяцев не прошло! Ей-богу, спасибо войне – работы невпроворот, надорвусь и сдохну! А с ними что будет? С мальчиком? При такой матери? Опять она кашляет». Он слышал, как в спальне глухо кашляет Лида. «Она и раньше покашливала, легко простужалась. У них в семье у всех плохие легкие, у Александра чахотка, вряд ли долго протянет. Жаль парня. Дурной, но добрый, мухи не обидит. Спросить, не нужно ли ей чего? О жизнь проклятая!»

* * *

Вернувшись в четверг вечером с дежурства, Николай Васильевич увидел, что в столовой горит свет, а за столом сидят Лида, ее младшая сестра Лиза, брат Александр и еще какой-то неизвестный, ярко-смуглый молодой человек. Быстро и тревожно осмотрев Лиду по незаметной для него привычке, Николай Васильевич расцеловался с Лизой и Александром,

познакомился с неизвестным. Оказалось, Сашин приятель, проездом в Тверь. У Лиды лихо-радочно горели щеки. Светло-каштановая, с золотом, коса, едва заплетенная и перевязанная в конце красной смятой ленточкой, лежала на левом плече.

– О чем спорите? – спросил Николай Васильевич и придвинул к себе чашку.

– Мы говорим о войне, – торопливо ответил Александр и облизнул сухие губы, – я лично придерживаюсь толстовских взглядов. Война есть убийство, противное человеческой природе. Я, если хотите, готов оправдать дуэль, потому что иногда нельзя решить вопрос иначе...

Николай Васильевич хлебнул слишком горячего чаю и закашлялся.

– Нельзя, и все! – не замечая, продолжал шурин. – Но не война, нет! Ибо война снимает момент личной ответственности...

– Я не согласен, – перебил его Алеша, – как же снимает? Ведь если я иду в атаку, скажем, и веду за собой других, кто же снимает с меня ответственность? Напротив...

– Я и с вами поспорю, Алеша, и с тобой, Саша, – вдруг, неожиданно для Николая Васильевича, сказала Лида и резким движением отбросила на спину лохматую косу, – потому что, разумеется, с какой стати идти и убивать незнакомых тебе людей, которые тебе лично ничего не сделали дурного, верно? Но, с другой стороны... Саша, ты послушай! Если сложилось так, что – пусть против воли, – но ты уже там, в пекле, и должен вести себя как благородный человек, то ты ведь не станешь говорить себе, что все это против твоей воли и поэтому можно стать кем угодно? Ты перед самим собой не позволишь себе такой низости!

– Романтизм чистейшей воды, – раздраженно оборвал ее Николай Васильевич, – романтизм и незнание жизни. Бывают, моя дорогая, такие обстоятельства, что человек поступает вовсе не так, как он хотел бы поступить, но нельзя с него строго взыскивать, потому что жизнь – штука страшная, не всегда все от человека зависит.

– Я, – глухо сказала Лида и сильно покраснела, – хотела бы сама проверить, что от меня зависит, а не по чужим словам... Сейчас такое время, что в стороне не удержишься, нужно что-то делать...

Николай Васильевич резко обернулся к ней всем телом.

– Что ты собираешься делать?

Она покраснела еще больше:

– Прости, я не успела тебе сказать. Я поступила на медицинские курсы. Закончу и буду работать в госпитале.

– Так... – промычал Николай Васильевич, – довольно опрометчивый поступок при твоём здоровье...

Чувствуя, что разговор принимает слишком семейный характер, Алеша встал.

– Извините, мы все вам перевернули своим вторжением. Спокойной ночи.

– Куда же вы пойдёте? – смутившись и взглядом обходя Николая Васильевича, спросила Лида. – Оставайтесь. Саша ляжет в столовой, вы, Алеша, в маленькой гостиной, а Лиза может или со мной, или в кабинете Николая Васильевича...

– Лучше в кабинете, – твердо сказал Николай Васильевич, – там отличный диван, ты прекрасно выступишься, Лизетта.

Снег пошел за окном, словно то, что происходило в этом доме, должно было быть спрятано от посторонних глаз, сокрыто как можно скорее, обращено в семейные догадки, в восторженную уверенность, что в жизни бывает только так, а не иначе, то есть по добру и милосердию, и нужно только быстрее перебинтовать рану, перебинтовать потуже, чтобы не просачивалось, не гноилось.

* * *

– Меня положили, в конце концов, в детскую, к Николке, который ужасно раскрывался по ночам, а в доме было холодно. И я всю ночь к нему вставала. Как я была влюблена тогда! Алеша спал в гостиной. Хотя, наверное, не спал... Да что говорить! В наше время так себя не вели, как теперь. В публичные дома ходили, к проституткам, с горничными жили, но к девушке своего круга – ни-ни! Другие люди были, потому и вымерли. Мамонты.

– Ну уж вы скажете, тетя Лиза!

– Я и скажу. Ты, Аня, старая уже, а как была святой простотой, так и осталась. Ты в нашей семье последняя такая. Божий одуванчик, дай тебе Бог здоровья...

* * *

Она лежала с закрытыми глазами и не шевельнулась, когда Николай Васильевич со свечой в руке осторожно вошел в спальню и лег на самый край постели.

– Спишь, Лида? – прошептал он.

– Нет.

– Мне уйти?

Она открыла глаза.

– Не надо, Коля, мне страшно.

Николай Васильевич громко, по-детски сглотнул слюну.

– Я все думаю, думаю, – прошептал он, – я с ума схожу от мыслей. Лида! Но ведь если ты полюбила другого человека, разве я смею тебя осуждать? Разве жизнь твоя, чувства твои, сердце, – он сморщился, словно заставлял себя произносить слова, ему несвойственные, – разве все это мне принадлежит? Что ты молчишь?

Она хотела что-то сказать и вдруг задохнулась, раскашлялась. Николай Васильевич посмотрел на нее со страхом.

– Голубочка моя, – прошептал он, – как же я боюсь за тебя...

Большой горячей рукой он пощупал ее лоб. Лоб был мокрым от пота. Тогда он с силой притянул ее к себе, накрыл одеялом.

– Так, так, – лихорадочно бормотал Николай Васильевич, целуя ее затылок, – я знал, что ты – моя мука крестная, мой ангел, жена моя. Я знал, когда вел тебя к венцу, знал, что никакого покоя нам не будет, но ты мне скажи сейчас, ответь мне: гадок я тебе, Лида?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.